

Валерий ШЕРСТОБИТОВ

Тайна картины П.П. Шмидта

Апрель 1944 года. В одесский порт одним из первых после освобождения вошел пароход "Карл Маркс" (тот самый пароход, который когда-то назывался "Дианой", и на котором Петр Петрович Шмидт прослужил около трех лет. Пароход этот служил советскому торговому флоту до начала шестидесятых годов). Работал на "Карле Марксе" юнгой Юра Скрипник, который в книжных развалах у букиниста нашел тетрадку в коленкоре, на первой странице которой каллиграфическим почерком было написано: "В редакцию газеты "Морьяк". К тридцатипятилетию со дня гибели П.П. Шмидта. Автор М.С. Семенова".

По всем расчетам, материал этот должен был появиться в знаменитой черноморской газете на родине Петра Петровича, в Одессе, не позднее марта 1941 года. Мои поиски в подшивках газет не привели к успеху, поэтому я хочу предложить выдержки из этого интересного рассказа очевидца тех далеких грозных событий, происходивших на Дальнем Востоке.

...Я увидела этого лейтенанта уже в штатском костюме на площадке у памятника Невельскому. Самого памятника еще не было. Была расчищена площадка под его основание. Мы, старшекласники, во время большой перемены любили отсюда смотреть на бухту, наблюдать суету на штабной пристани, лейтенант зарисовывал в большой блокнот Успенский собор. Я наблюдала за ним и была почему-то уверена, что он не рассердится.

— Барышня любит рисовать? — неожиданно спросил лейтенант.

— Больше люблю музыку.

— Чью именно? — спросил он заинтересованно, все так же не поворачивая головы и не прекращая работы.

— Я люблю Чайковского, Грига, Бетховена!

— У вас в соперниках вечность, — улыбнулся лейтенант. — Она тоже их всех любит.

Я вспомнила его слова, увидев портрет в "Ниве". Тогда, в 1905 году, вечность, делая свой очередной выбор, остановилась на нем самом.

...Последний раз я увидела его на выставке живописных полотен местных художников-любителей. Вошла на выставку вместе с мамой вслед за генерал-губернатором Духовским, адмиралом Макаровым, в толпе военных и штатских, взрослых и детей.

Все авторы были при своих полотнах. Среди них и мой знакомый лейтенант в сюртуке. Его картина называлась "Владивосток в лунную ночь". От нее веяло покоем.

На выставке мне стала известна его фамилия — Шмидт. А "Нива" лишь через восемь лет подсказала имя и отчество. Словно для поминальных свечей. Вскоре,

6 марта 1906 года, Петр Петрович Шмидт был расстрелян.

Кто бы мог подумать, что он, любивший тишину и покой, станет зачинателем одной из величайших бурь и одним из первых в ней погибнет!

О судьбе написанной им картины я узнала случайно весной 1907 года от бывшей своей сокурсницы Марии Слободской. Впрочем, я и сейчас не уверена, что это настоящие ее имя и фамилия. С ней впервые после Петербурга я столкнулась на Светланской улице во Владивостоке и была приглашена к ней в дом. Одну из стен гостиной украшала картина, рисованная маслом, на которой я сразу узнала посеребренные лунной крыши домов, бухту Золотой Рог с силуэтами боевых кораблей.

— Досталась совершенно неожиданно, — проговорила хозяйка, перехватив мой взгляд, и, водружая на стол самовар, пояснила: — К тому, что картина стала моей собственностью, господин автор, разумеется, не имеет никакого отношения. А автор знаешь кто?

Я кивнула головой, от волнения лишившись голоса.

— Ты прочла автограф, — по-своему рассудила подруга и, разливая чай, принялась рассказывать: — Дней пятнадцать назад прибыла во Владивосток поездом. Ушла от самого свирепого кавалера со звериным нюхом — Меллер-Закомельского, встретила там случайно знакомого по Питеру Павла Пьянкова. Был он в ту пору медиком, а известность в революционных кругах получил главным образом тем, что избрал своей подругой жену казненного народовольца Квятковского.

Оказывается, во Владивостоке он принял миллионное ликероводочное дело своего покойного брата. Вместе с делом — душ семь-восемь детишек. Старшим нужна гувернантка, и непременно французка. Я вздохнула и сказала, что французский могла бы припомнить...

Павел Алексеевич Пьянков хотел, наверное, чтобы я определенно высказалась по поводу своего нынешнего житья-бытья и дала гарантии на будущее. Я же молчала. Он отметил мое молчание долгим укоризненным взглядом и указал вот на эту картину. Она украшала стену напротив стола. "Я думаю, вы успели разглядеть автограф — П.П. Шмидт. Согласитесь, мученик и идеалист, мечтал о всеобщем счастье, а получил пулю". Затем восстание или, вернее, кровавая бойня, которая закончилась кровавой расправой...

Потом события происходили во Владивостоке. Листовки, аресты. Меня же за недостаточностью улик выпустили под залог из тюрьмы. В первый день на свободе я по обыкновению зашла на почту справиться, нет ли чего "до востребования". Чиновник, просмотрев паспорт, подал мне длинную тонкую бандероль, и я, развернув ее, увидела... картину Петра Петровича Шмидта "Владивосток в лунную ночь". От такого подарка долго не могла прийти в себя. Был ли он со значением: в знак не-

когда высказанного дружеского расположения? Или в предчувствии скорой гибели не хотелось ей бросить картину на произвол судьбы? Так или иначе, полотно досталось мне, и я распорядилась им по-своему. Я расскажу, как.

Я уже в том возрасте, когда невозможно говорить о своем первом чувстве без опасения вызвать ироническую улыбку. И все же...

Я знала Толю Екимова давно, еще гардемариню. В 1899 году мне пришлось провезать его, двадцатидвухлетнего мичмана, в Филадельфию, в экипаж тогда еще никому не известного крейсера "Варяг". Крейсер стоял на стапелях фирмы "Вильямс Крамп и сыновья". Год спустя я встречала Толю, стоя на стенке Купеческой гавани в Кронштадте. Новенький изящный "Варяг" входил на рейд под гром ответного салюта. В тот майский день Кронштадтский рейд выглядел музеем русского флота. Рядом с родоначальником броненосцев — морской батареей "Первенец" — стояли башенные фрегаты, малые миноносцы и новейшие броненосцы береговой обороны, старинная канонерская лодка и новейший крейсер... Вскоре состоялась проводы. На этот раз Толя уходил на минном заградителе "Енисее" в составе первой Тихоокеанской эскадры. Прощаясь, мы условились встретиться на Дальнем Востоке. Где? Какая разница! Во Владивостоке, в Порт-Артуре. Но по не зависящим от нас обстоятельствам встречи тогда не состоялось... Потом началась русско-японская война. Анатолий встретил ее в чине лейтенанта на должности старшего штурманского офицера крейсера "Аскольд". Вместе с другими кораблями эскадры "Аскольд" с боями прорывался из блокированного Порт-Артура во Владивосток. Но судьба сулила иное... Вместе со всей командой "Аскольд" был интернирован в Шанхае.

Анатолий вернулся во Владивосток 14 ноября 1905 года на одном пароходе с адмиралом З.П. Рожественским и с офицерами его штаба. Адмирал в том самом синем мундире, в котором вошел в Цусимский пролив перед историческим боем, один из всех чувствовал себя героем. Его не мучили угрызения совести, не пугала расплата. Трудно себе представить что-либо страшнее того, что стало историей.

Толя вернулся совсем другим. С него слетела юношеская восторженность, темные, искрившиеся раньше глаза стали глубокими и печальными. Он сказал мне: "Там, в Петербурге, они хотели маленькой победоносной войной заглушить революцию. Исход войны смешал все карты. Тогда попробовали расстрелом рабочих перед правительственным порогом. Не вышло. Пустили в ход манифест. Что еще у них на уме?". Я поняла так, что этот вопрос не требует ответа. Скорее всего, он явился следствием той глубокой рассудительности, при которой человек до всего доходит сам, и которой раньше не было и не могло быть. Показалось, с ним можно без утайки говорить о своих политических взглядах, о своей работе в орга-

низации. Настораживали только воинские отличия — сразу два ордена Станислава и Анны за одну русско-японскую войну и назначение командиром миноносца "Беспощадный", который и был тем кораблем, который отказался стрелять по восставшим...

17 октября восстание было подавлено. Вечером город напоминал военный лагерь. Начался суд. Среди подсудимых оказался лейтенант Екимов. Судейские чиновники увидели в "нейтралитете" командира "Беспощадного" позицию, подсказанную большевистским центром. Допрашивали Екимова с особым пристрастием. Из зала суда он вышел в арестантском халате, лишенный всех привилегий — дворянства, чинов, боевых наград. При свидании сказал мне, что сейчас, освобожденный от всякой сословной мишуры, начинает новую жизнь...

На этап Екимов пошел в день своего двадцатилетия. Я долго ломала голову над тем, чем бы одарить его на прощание. Взгляд упал на картину Петра Петровича, и я, понимая, что она в сложившейся ситуации вряд ли удобна для подарка, все же повезла именно ее. Толя принял подарок. Мы простились. И навечно.

...Люди владеют вещами. А вещи иногда определяют судьбы людей. Такое, мне кажется, значение имела в жизни лейтенанта Екимова картина с автографом Петра Петровича Шмидта. После многих лет ссылки, гражданской войны, уже на самом исходе 1921 года услышала, что в Хабаровске палачи атамана Калмыкова расстреляли группу командиров Амурской речной флотилии, бывших царских офицеров, преданно служивших Советской России и ее Красному Флоту. Среди них был и бывший лейтенант Анатолий Екимов. Судьба картины осталась неизвестной. Сейчас я тешу себя надеждой, что это, может быть, и к лучшему. Созданная революционером, воплотившая в себе какой-то миг старой жизни, она стала причастна к величайшим событиям, прикоснувшись к судьбам людей, которые по-разному и на разных путях боролись с деспотизмом, утверждая зарю новой жизни. Не найденная, она, мне думается, будет возбуждать жажду поиска и размышлений...

...В июне 2008 года Лидия Ивановна Иващенко, основательница Музея П.П. Шмидта в Очакове, позвала меня в розыске члена Приморского отделения Географического общества СССР Августовского Бориса Владимировича, где он сообщает, что в одной из старых владивостокских газет за 1914 год наткнулся на заметку о том, что картина П.П. Шмидта "Владивосток в лунную ночь" была выставлена на Первой Амурской выставке и премирована золотой медалью, а приобретена жителем Одессы. Поэтому я обращаюсь к одесситам с просьбой помочь в розыске картины нашего земляка для вновь создающегося музея Петра Петровича Шмидта в г. Одессе. Контактные телефоны: (0482) 47-16-61 или (097) 406-15-51.

Владимир БАРАНОВ

Звуковое кино Киры Муратовой

Ретроспектива фильмов режиссера позволяет не только яснее увидеть и осознать масштаб творческой личности, но и отчетливее представить особенности авторского стиля. Приуроченный к юбилею Киры Георгиевны Муратовой показ ее фильмов (речь идет о ретроспективе фильмов Муратовой в одесском кинотеатре "Маски" в честь 70-летнего юбилея режиссера в ноябре 2004 года) навел меня на мысль о том, что Муратова — режиссер в значительной мере "аудиальный". Увидев новую ленту мастера, я утвердился в предположении о том, что в звуковой плоскости находится существенная часть художественных открытий мастера. "Мелодия для шарманки" представляет собой своеобразную антологию муратовских образов, энциклопедию ее художественных методов.

Звуковая палитра произведений режиссера чрезвычайно насыщена, многообразна и выразительна. В одном из ее ранних фильмов — "Познавая белый свет" — даже неодушевленные предметы обретают собственный голос, грузовики здесь "дышат, как живые, режут, как хор плакальщиц". А инфермальную атмосферу фильма "Три истории" еще больше нагнетает группа сигналящих на стоянке автомобилей. Важной частью звукового наполнения кинолент Муратовой является их замечательное музыкальное оформле-

ние: в первых двух фильмах ("Короткие встречи", "Долгие проводы") режиссер работает с прекрасным композитором Олегом Каравайчуком, в дальнейшем она обращается к классике — Шуберту, Чайковскому, Бетховену. В новой картине Муратовой помимо старой шарманки за кадром звучат оригинальные песни Земфиры, связывая эпизоды фильма единым напряженным ритмом.

Но все-таки, в первую очередь, Муратову занимает человеческая речь, ее интонационная и тембровая окрашенность. Каждый герой режиссера — носитель уникальной и неповторимой интонации, а зачастую и неподражаемого голоса. Тут можно вспомнить Владимира Высоцкого, Нину Русланову, Зинаиду Шарко, Ренату Литвинову, Леонида Кушнира, Олега Табакова, Георгия Делиева, Жана Даниэля. В фильме "Долгие проводы", как пишет З. Абдуллаева, "Муратова поставила на индивидуальность актрисы с обычной внешностью, но незаурядным голосом. Этот одинокий голос человека — капризный, набухший скандалом или отчаянием, — одной лишь интонационной пластикой создавал образ женщины на грани нервного срыва. В этой роли Шарко можно только слушать". Добавлю, что "только слушать" можно голосовые партии практически каждого персонажа Муратовой. И именно в них, в надтреснутых или, напротив, излишне пе-

вучих голосах героев заключено "обаяние муратовских фильмов". Обаяние внимательного, бережного отношения к хрупкой материи индивидуальной речи, в которой зачастую в большей мере, чем в содержании произнесенных фраз, выражается сокровенная сущность человека.

На одной из встреч со зрителями Кира Георгиевна сказала, что, подбирая актеров, она ищет, прежде всего, оригинальных, своеобразных и необычных людей. При этом, похоже, что особенности индивидуальной манеры общения имеют для нее преимущественное значение. Непривычная замедленность разговора, странность интонаций, повышенные тона, повторяющиеся рефреном фразы — эти и другие известные стилистические особенности фильмов Муратовой не имеют аналога в мировом кинематографе.

Если Ф.М. Достоевский, с точки зрения М.М. Бахтина, первым обратил внимание на личностно окрашенное слово героев романа, то риску предположить, что Кира Георгиевна первая в советском кинематографе занялась разработкой неповторимой речи персонажей. Если Л.-Ф. Селин, согласно общепринятому взгляду, совершил революцию во французском романе, "преодолев литературу" и начав активно использовать аргумент подобный переводу в советское кино совершила Муратова, "преодолев кинемато-

граф" и наполнив свои фильмы звучанием одесской улицы. Н. Сирильва по поводу "Астеннического синдрома" замечает, что Муратова впустила в свой фильм иррациональное начало "вместе с присущими ему эстетическими способами самовыражения, <...> словно давая реальности высказаться на свойственном ей языке и наблюдая со стороны, что из этого получится". Особенно ярким воплощением внеразумной стихии в этом фильме, по мнению критика, является "толстая завуча в черно-золотом костюме с тонким верещащим голосом и великолепно безграмотным говором". В "Мелодии для шарманки" Муратова прислушивается к современному обществу в ключевых для него местах — на вокзале, в казино и супермаркете.

Контрапунктом к звуковой ткани фильма "Мелодия для шарманки" выступает несколько немых эпизодов картины, где зрителю предоставлена возможность наблюдать беззвучные движения персонажей за стеклом. Немые эпизоды оттеняют и контрастно усиливают разноголосицу фильма, подчеркивая карнавальную характер звучания новой картины Муратовой и всего ее творчества в целом.

Полагаю, не случайно Кира Муратова, режиссер с чутким слухом "настройщика", живет и работает в Одессе, городе прирожденной музыкальности и колоритной южной речи.